

ИЗГОЙСТВО И МАРГИНАЛЬНОСТЬ В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Рассматривается проблема использования понятия маргинальности в исторической науке. Исследуется феномен изгойства в социальном пространстве Древней Руси, изучается возможность рассмотрения изгойства как проявления маргинальности. Приводятся факты положительного отношения к князьям-изгоям летописцев и населения. Делается вывод о влиянии христианских установок на изменения в поведении мелких князей, а также о затруднениях в принятии этих установок более сильными. Проводится мысль о продуктивности понятия маргинальности в изучении средневековой истории.

Ключевые слова: маргинальность; изгойство; девиация; чужак; княжеские усобицы; князья-изгои.

Понятийный аппарат историка меняется не только в связи с полученным новым знанием, но и, в большей степени, под влиянием мировоззрения настоящего времени. «Феодализм», «ментальность», «феномен», «казус» один за другим вторгаются в наше исследовательское поле, уходят или остаются. Но есть и другие понятия, рожденные самой эпохой. Они тоже приходят и уходят. И возникает вопрос, что они могут дать исследователю? Какую пользу могут принести для изучения, например Древней Руси, чуждые эпохе, но близкие по значению современные понятия и концепты?

Изгойство – древнее понятие, претерпевшее за свою многовековую историю серьезную эволюцию в сторону расширения первоначального смысла. Изгой – отщепенец, лишённый рода насильно, первоначально «выжитый из рода, не пользующийся уходом» [1]. Сравнимо с сербохорватским изрод, «выродок» [Там же]. Изгой означает буквально «лишенный жизненной силы рода, традиции, а значит, и права на жизнь». Слово «изгой» того же корня, что и жизнь, жити (только в другой огласовке).

В церковном уставе князя Всеволода сказано: «Изгои трои: попов сын грамоте не умеет, холоп из холопства выкупится, купец одождает; а се и четвёртое изгойство и к себе приложим: аще князь осиротеет», т.е. лишится владений [2. С. 157]. Эти лица относятся к числу поставленных под особое покровительство церкви. Н.В. Калачов, исходя из того, что Русская Правда назначает плату за убийство только в том случае, когда нет мстителя за убитого, видит в изгоях людей, вышедших вследствие преступления, удали или по иной причине из рода и потому лишенных защиты рода. При господстве родовых отношений такой человек стоял вне закона [3. С. 57].

В.В. Колесов сближает понятие «изгой» с понятием «сиротство». Сирота (от древнего корня сир-) – человек без рода и племени, т.е. «лишенный родных, близких». Один из первых новгородских епископов (XI в.) Лука Жидята просил владетелей «к сиротам своим быть милостивыми» – как бы сверху, с амвона, внемля богу, призывал господ к милосердию. В XIV в. в берестяных грамотах находим и самоучительные характеристики их авторов, такие как «горюн» и «сирота» [4. С. 183]. По мнению А.Е. Преснякова, в XV в. слово «сирота» уже стало термином, которым заменили старое слово «изгой» [5. С. 48]. Но сирота не имел средств к существованию (отчины и дедины), изгой же не имел рода, родства и Родины,

почему изгоем со временем стали называть человека, стоящего вне закона. «“Изгой” известен издавна, изгои были и в родовом обществе, а вот “сирота” в социальном средневековом смысле – порождение нового общественного быта» [4. С. 184], считал В.В. Колесов. Однако нам такое разделение кажется несколько искусственным, и вот почему. На протяжении истории Древней Руси эти понятия часто смешивались и упоминались в одном ряду. Например, Б.Д. Греков считал изгоев всего лишь определённой категорией зависимых крестьян [6. С. 247–255]. Возможно, одно время изгоем считался общинник, лишённый земли, но не лишённый свободы и личных прав. И дальнейший путь изгоев мог быть разным: кто-то рвал общинные связи, чтобы вступить в дружину, кто-то попадал на крестьянскую работу во владения знати [7. С. 19]. Как отмечал И.Я. Фроянов, изгои могли быть как зависимыми, так и свободными, «изгойство Пространной Правды – не рудиментарное наследие старины, а жизнеспособный социальный феномен, вскормленный современностью» [8. С. 279]. По мнению М.Б. Свердлова, «изгойство, вероятно, было широким, охватывающим различные социальные группы явлением» [9. С. 188]. Свердлов полагал также, что изгои – это не название особой социальной категории, а общее обозначение группы людей, меняющих общественное положение [Там же. С. 189]. Сходной точки зрения придерживался А.В. Майоров, утверждавший, что «изгои совершенно особая общественная категория, не имеющая, в отличие от остальных общественных групп, определенной социально-ролевой основы» [10. С. 30–42].

Относительно категории «людей» исследовал проблему изгойства А.В. Скобелев. С его точки зрения, «в период социального “одиночества”, когда людин был “изжит” из одного коллектива, но еще не поступил в другой, он и был изгоем. Несмотря на равную виру, людин по своему социальному статусу стоял гораздо выше, чем изгой, который потенциально являлся закупом или холопом как в родственном коллективе, так и в церковной организации или в княжеском хозяйстве» [11. С. 19]. Принимая тезис о «социальном одиночестве», все же нужно отметить, что средой людинов понятие изгойства не исчерпывалось.

Если рассматривать этимологию, интересна близость слову «изгой» слова «изверг» (изверег). Извергом назывался: 1) выкидыш, мертворожденный ребенок; 2) отверженный, изгой. В Псалтыри XV в. говорится: «Изверегов от ложесн церква». В Книге бесед

Аввакума: «Над всем всех любовью окрыляй, мняся яко изверг от всех» (1675 г.). В Повести об Ульяне Осорьбиной: «Но убо наставит мя честная и милостливая она душа и вразумит мя, своего сына по плоти, по духу же рабичища или некоего изверга и непотребна, еже вообразите о ней слово» (XVII в.). Изверг сравнимо также с выверг, изворог, извраг [12. С. 109].

У слов «изгой» и «изверг» много общего. Так, изгойством называли: 1) положение, состояние изгоя; 2) плату, выкуп (за выход из холопства): «И се паки горее всего емлющим изгойство на искупающихся от работы» [13. С. 842]; «Иже кто выкупается на свободу, то толико же дать на себе, колико же дано на нем; потом же, будя свободен ти добуде детей, то начнут имати изгойство на них: то обрящутся продающе кровь неповинну» [Там же. С. 843]. Извергати и изверзати – то же, что и изгонять, лишать сана: «Аще ли который от тех игумен, или поп, или чернец иметь отыматися мирьскими властелины от святителя, такового божественная правила извергають и отлучають» (1392 г.) [14. С. 229]. «[Патриархи] извергають его [Никона] из архиерейства, что ему к тому архиерейская не действовати» (1666 г.). Извергнути и изверзнути – то же, что изгнать, выгнать, грубо удалить: «Мних аще прекословит игумену своему, да изверзнут его из монастыря» (XV в.) [12. С. 109].

Конечно, изменения слов, их преобразования и плохое состояние источников не позволяют нам с уверенностью говорить о изначальных значениях всех этих слов, о их точном значении для каждого конкретного периода истории Руси. Однако вполне представим общий характер рассмотренных слов и понятий. То есть изгой, изверг, раб, сирота, враг и непотребный на Руси обнаруживают определённое типологическое сходство. Это сходство – в соотношении с чужим, с чужаком, с отделением от других, с одиночеством и отрицательной оценкой общества. «Свой – всегда свой, он указывается без всякой оценки и уточнений... Чужак же всегда имел оценочные определения. Собственно, именно с подобных оценочных признаков позднее и “снимается” представление о чужом – это диво “чуждое”, чудо-юдо по началу, а потом и “странное” (ибо приходит с чужой стороны), а позже ещё и “кромешное”, ибо таится в “укромё” и “окромё” нас, т.е. вне нашего мира – кромешная сила, опричное зло (“опричники”), которых остерегаются как чужого, странного, кромешного, чуждого. Но как ни расширяется мир в глазах человека, в этом мире всегда остаётся нечто – чужое, неясное, что в сознании и отмечают тёмной краской» [4. С. 169].

Этот чуждый мир очень разнообразен, не зря его представители имеют столько имён. И всё-таки его можно свести к всего двум значительным группам, они достаточно хорошо различимы. Первая группа – это те, кто находятся в оппозиции к обществу, чья позиция по этому поводу по большей мере ясна. Сюда можно отнести врагов, разбойников, всех, кто стремится к разрушению общества, привнесению в него беспорядка. Наиболее близким социологическим термином здесь будет *девиация*, т.е. противопоставление себя обществу. «Девиантность – в упрощённом понимании – поведение, идущее вразрез с основными

нормами, принятыми в конкретном обществе или группе, в рамках которых такое поведение проявляется» [15]. Девиация всегда ситуативна и контекстуальна. «Девиантное (отклоняющееся) поведение – действия, не соответствующие официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе (социальной группе) нормам и ожиданиям и приводящее нарушителя к изоляции, лечению, исправлению и наказанию. Ряд исследователей, вслед за Э. Дюркгеймом, считают, что при нормальных условиях функционирования социальной организации девиантное поведение встречается не так уж часто, но в условиях социальной дезорганизации, когда нормативный контроль ослабевает, возрастает вероятность проявления девиации. К таким ситуациям можно отнести стресс, внутригрупповые и межгрупповые конфликты, резкие изменения в обществе» [16. С. 98].

Девиантное поведение можно наблюдать как в современном обществе, так и в средневековом. Во всех случаях оно характеризуется сознательным и демонстративным нарушением норм общества, игнорированием его ценностей, разрушительными тенденциями. Вторую группу составляют индивиды лишь частично десоциализированные, возможно, исключённые из своей страты, но отнюдь не считающие себя «сопротивниками» самому обществу. Эти индивиды скорее желают не разрушить общественный порядок, а найти своё место в нём. Это и изгой, и сирота, и выкупившиеся рабы. Перечень можно продолжать очень долго, но каким словом, понятием можно охватить их все? Древнерусские понятия, очень чёткие семантически, сильно затрудняют поиск. Да и имеет ли это смысл, если для современности такое понятие уже найдено и, более того, широко употребляемо. Это – понятие *маргинальности*. Оно выгодно отличает акцент на мировоззрении, поиске идентичности в момент кризиса, связанного с неопределённостью своего положения, неудовлетворенностью им. Другими словами, маргинальность можно выразить как кризисное состояние неуверенности, неопределённости или самоопределения человека в мире [17]. Отождествив изгойство с маргинальностью, применительно к средневековым крестьянам, мы можем лучше понять, почему речь всякий раз идет о понижении статуса, если об имущественном или правовом поражении говорить однозначно сложно. Или, наоборот, почему потеря родового имущества ставит князя в положение изгоя (маргинала) относительно своего рода.

В историографии вопрос о княжеском изгойстве был поставлен С.М. Соловьёвым. У него изгоем назывался князь, лишившийся старшинства в родовой лестнице [18]. Однако некоторым исследователям существование такого порядка наследования представляется сомнительным [19. С. 154; 20. С. 143]. Коль скоро в представлениях современников такой лестницы трудно обнаружить, то можем ли мы говорить о князьях-изгоях? Вполне возможно, что под это понятие необходимо подвести новое основание. Князем-изгоем, на наш взгляд, следует называть такого князя, который считал себя (и воспринимался окружающими) обделённым достоянием династии. Под достоянием здесь следует понимать, прежде всего, символический ка-

питал, хотя он и был напрямую связан с реальным богатством и размером надела. Большую роль в занятии столов играл субъективный фактор, многое зависело от личного характера и удачливости князей.

Обычно явление изгойства видят уже после смерти Владимира, при отделении Полоцкого княжества в пользу Изяслава, старшего сына Владимира Святого, умершего при жизни отца. Однако нет никаких указаний на то, что Изяслав или его сын Брячислав были недовольны сложившимся положением. Поход Брячислава на Новгород в 1021 г. выглядит как вполне обычный набег с целью захвата богатств и полона. Так же и Мстислав, хотя и пытался занять Киев, в общем, был доволен своим огромным Черниговским уделом. Зато положение Святополка, изгнанного братом, действительно могло рассматриваться современниками и им самим как несправедливое, особенно учитывая то, что Борис и Глеб были, по-видимому, убиты людьми Ярослава [21. С. 336–355]. К сожалению, позиция летописца не даёт нам возможность анализировать данное обстоятельство более тщательно.

Впервые о возможности обиды и изгнания говорится в так называемом завещании Ярослава: «И так разделит между ними города, запретив им переступать пределы других братьев и изгонять их, и сказал Изяславу: “Если кто захочет обидеть брата своего, ты помогай тому, кого обижают”» [22. С. 203]. Обиду летописец, устами Ярослава, представляет как нарушение отцовского завещания, нарушение принципа братской любви. Позже обида выглядит как территориальная претензия, связанная с княжеским достоинством. Так, в 1100 г. на съезде в Уветичах князья потребовали от Давыда Игоревича предьявить им свои обиды. Н.Ш. Коллманн, обращаясь к тексту Русской Правды, соотносит обиду с понятием личной чести. Цитируя Элизабет Кохен, она пишет, что «честь с её нормами, с её риторикой и её сильным эмоциональным зарядом предлагала набор ресурсов для разрешения межличностных раздоров» [23. С. 55].

В этом есть немалая доля истины. Если рассматривать обиду через призму личного достоинства, то получается, что Ярослав не просто завещал заступаться за братьев, но беспокоился прежде всего о чести обижаемых, тесно связанной с долей наследства династии. Однако князья, стремясь к власти, заботились прежде всего о себе. То, что им приходилось делить власть с более слабыми, наносило их чести ущерб. По мнению А.В. Назаренко, избивать братьев Ярополка, а впоследствии Святополка побуждало то, что «ни тот ни другой, не были реальными правителями всей Руси при жизни братьев» [24. С. 153]. Необходимо добавить, что их власть над собственным уделом также находилась под угрозой.

При изменении ситуации в связи со смертью некоторых братьев завещание Ярослава больше не могло регулировать взаимоотношения его потомков. И вот уже в 1064 г. «Бежал Ростислав, сын Владимиров, внук Ярославов, в Тмутаракань, и с ним бежали Порей и Вышата, сын Остромира, воеводы новгородского. И, придя, выгнал Глеба из Тмутаракани, а сам сел на его место» [22. С. 205]. Отношение летописца к Ростиславу явно благожелательное, он признаёт за

ним храбрость, уважительность к старшим и нигде не обвиняет его в начале усобиц. А описывая смерть князя от рук греческого котопана, он даёт ему такую характеристику: «Был Ростислав муж доблестный, воинственный, прекрасен сложением и красив лицом и милостив к убогим» [22. С. 207]. И при этом немного выше отмечает, что «в те же времена было знамение на западе, звезда великая, с лучами как бы кровавыми; с вечера всходила она на небо после захода солнца, и так было 7 дней. Знамение это было не к добру, после того были усобицы многие и нашествие поганых на Русскую землю» [Там же. С. 205]. То есть вина за усобицы лежит вовсе не на начавшим их Ростиславе.

Самой яркой фигурой среди изгоев, несомненно, был князь полоцкий Всеслав. Полоцкое княжество держали потомки Изяслава, старшего сына Владимира Святого, умершего при жизни отца. После смерти Владимира Полоцкая земля отделяется. Всеслав был князь весьма предприимчивый. В 1065 г. он осаждал безуспешно Псков, в 1066 г. ограбил Новгород. Был побеждён Ярославичами, но после известного их поражения от половцев был посажен киевлянами на княжество. Сидел, правда, недолго, а потом был изгнан и из Киева и из Полоцка. Всеслав бежит, а в 1069 г. является под Новгород с толпами финского племени води или вожан (ближайшего к Новгороду и издавна находившегося с ним в соединении!) [18. С. 673]. Новгородцы победили, а Всеслава отпустили «ради бога». Всеслав был богатырь, внушал к себе всеобщее уважение, о нём ходили дивные предания. Интересно, что молва приписывала Всеславу рождение от волхования. Именно о нём шла слава как об оборотне. Вот как описывает «Слово о полку Игореве» бегство Всеслава в Полоцк: «обернувшись волком, побежал он ночью из Белгорода, закутанный в синюю мглу». Волк-оборотень в мифологии мог олицетворять преступника-изгоя. «Представление о превращении человека в волка, выступающего одновременно в роли жертвы (изгоя, преследуемого) и хищника (убийцы, преследователя), объединяет многие мифы о волке и соответствующие обряды» [25. С. 242].

Возвращаясь к позиции летописца, мы видим, что захват Всеславом Новгорода опять же не имеет каких-либо моральных коннотаций: «Начал междоусобную войну Всеслав Полоцкий, сын Брячислава и занял Новгород» [22. С. 207]. За то нарушение крестоцелования по отношению к нему русскими князьями даёт повод к их осуждению: «Всеслав же сел в Киеве. Этим Бог явил силу креста, потому что Изяслав целовал крест Всеславу, а потом схватил его: из-за того и навел Бог поганых, Всеслава же явно избавил крест честной! Ибо в день Воздвижения Всеслав, вздохнув, сказал: “О крест честной! Так как верил я в тебя, ты и избавил меня от этой темницы”. Бог же показал силу креста в поученье земле Русской, чтобы не преступали честного креста, целовав его» [Там же. С. 213].

То, что летописец так благожелательно относится к Ростиславу, может свидетельствовать о том, что изгнание Глеба лишь прибавляло ему чести. То же и с Всеславом. Кто же тогда, по мнению летописца, начинал усобицы? Судя по всему – нарушители крестоцелования. Такой обман наносил княжескому до-

стоинству ущерб не меньший, чем поражение и бегство от «поганых».

Характерно, что Изяслав, хоть и преступавший крестоцелование, заслужил у летописца положительную характеристику. И, возможно, именно благодаря тому, что был часто изгоняем. Сначала его изгнали киевляне, затем брат Святослав. Собираясь помогать изгнанному такими же изгоями Всеволоду, Изяслав говорит: «Брат, не тужи. Видишь ли, сколько всего со мной приключилось: не выгнали ли меня сначала и не разграбили ли мое имущество? А затем, в чем провинился я во второй раз? Не был ли я изгнан вами, братьями моими? Не скитался ли я по чужим землям, лишенный имения, не сделал никакого зла?» [22. С. 237].

Речь Изяслава упирает именно на моменты безвинности изгнания, несомненно, перекликаясь с мотивом «безвинно убиенных» Бориса и Глеба. Неправедливость такого изгнания для летописца очевидна. Ещё более откровенна для нас посмертная характеристика Изяслава: «Был же Изяслав муж красив видом и телом велик, незлобив нравом, ложь ненавидел, любя правду. Ибо не было в нем хитрости, но был прост умом, не воздавал злом за зло. Сколько ведь зла сотворили ему киевляне: самого выгнали, а дом его разграбили, – и не воздал им злом за зло. Если же кто скажет вам: “Воинов порубил”, то не он это сделал, а сын его. Наконец, братья прогнали его и ходил он по чужой земле, скитаясь. И когда вновь сидел на столе своем, а Всеволод побежденный пришел к нему, не сказал ему: “Сколько от вас натерпелся?”, не воздал злом на зло, но утешил... Поистине, если и сотворил он на свете этом какое прегрешение, простится ему, потому что положил голову свою за брата своего, не стремясь ни к большему владению, ни к большему богатству, но за братню обиду» [Там же. С. 239]. Оставив добродетель Изяслава на совести летописца, ещё раз отметим, что и сам он был «обижен» и голову сложил за «братню обиду», «любви же ради князь сей пролил кровь свою за брата своего, исполняя заповедь Господню» [Там же. С. 241].

Показательна история сына Изяслава – Ярополка, посаженного отцом во Владимире. Сначала его выгнали бежавшие от него же Ростиславичи. Когда же Всеволод помог ему вернуть Владимир, Ярополк хотел идти на него, «послушав злых советников». Будучи после этого прогнан со стола, он через некоторое время вернулся, примирившись с родней, но вскоре был убит «проклятым Нерадцом». И вот такая характеристика даётся Ярополку: «Многие беды испытав, безвинно прогнанный братьями своими, обиженный, ограбленный, затем и смерть горькую принял, но вечной жизни и покоя сподобился. Так был блаженный князь этот тих, кроток, смирен и братолюбив, десятину давал святой Богородице от всего своего достояния ежегодно и всегда молил Бога, говоря: “Господи, Боже мой! Прими молитву мою и дай мне смерть такую же, как и братьям моим Борису и Глебу, от чужой руки, да омою грехи свои все своею кровью и избавлюсь от суетного этого света и мятежного, от сети вражеской”. Просимого им не лишил его милостивый Бог» [Там же. С. 243]. Судя же по всему предыдущему тексту летописи, единственными «заслугами» это-

го князя были его изгнанничество и неожиданная смерть.

Итак, церковные летописцы относились к князьям-изгоям сочувственно, как к обиженным, нуждающимся в защите. Широкие же массы населения вряд ли разбирались во всех тонкостях родовых взаимоотношений и оценивали князей по их личностным характеристикам, а не по их правам. Косвенным подтверждением этому могут служить многочисленные изгнания горожанами неугодных князей, приглашения на княжеское место изгоев.

На окраинах же русской земли и среди инородцев князья-изгои оказывались ещё более востребованными. Не случайно они часто возглавляют в набегах половцев, а города Тмутаракань и Берлад становятся самым притягательным местом не только для бежавших князей, но и вообще всех изгнанников и недовольных, из которых и формировались новые дружины.

Практически все усобицы, начиная с Ярослава Мудрого до смерти Мстислава Великого, происходили из-за изгоев. Княжеские съезды, договоры, крестоцелования были призваны решать проблему изгойства. Наиболее крупные и сильные князья-изгои добились признания своих прав. Но конечно, это не решило проблему многих других князей, продолжавших активно «мутить воду». Например, Иван Ростиславович Галицкий по прозвищу Берладник. Изначально он вовсе не был бездомным, княжил в Звенигороде, но сбежал оттуда, всю жизнь добиваясь Галича или другой большой земли. Другому князю-изгою Юрию (сыну Боголюбского) сосватали грузинскую царицу Тамару, но через некоторое время он был изгнан и оттуда, ещё дважды возвращался, пытаясь снова утвердиться на Грузинском престоле [18. С. 702].

При Андрее Боголюбском обособление земель окончательно стало нормой, перестало быть признаком изгойства. Изгои, конечно, появляются по-прежнему, но с мельчанием князей и новыми отношениями в их среде всё более распространяются служилые и бродячие князья-изгои. В служилых превращались родственники северных самовластцев. Тот же Берладник «принужден был служить разным князьям русским» [Там же. С. 487]. Бродячие князья встречались не реже. Например, после того как Бела III выгоняет из Галича князя Романа, «Роман с теми из Галицких бояр, которые Perezвали его к себе, скитался по разным странам ища волости» [Там же. С. 549].

Изгойство в княжеской среде воспринималось как сиротство, было практически синонимично ему, хотя у таких князей оставались и родственники и средства к существованию. Князья-изгои были люди с рождения привыкшие считать, что им причитается какая-то часть из достояния рода и поэтому неожиданная потеря прав на это вызывала живой протест. Анализируя сюжет о лишении на собрании князей Давыда Игоревича его владений – Владимира Волынского, А.С. Щавелев отмечает, что князь фактически изгонялся из рода, лишался прав Рюрикoviча за совершенное преступление (ослепление Василька Ростиславича), что было обставлено даже особым ритуалом [26. С. 58].

Обращает на себя внимание тот факт, что долгое время большинство князей, учитывая непрерывно

меняющийся баланс сил, потенциально могли стать изгоями, лишиться главенствующего стола, а то и самой отчины, оказаться без надела, а то и вовсе на чужбине. Можно сказать, что положение многих князей на социопсихологическом уровне было маргинальным, неопределённым. Поведенческие характеристики маргиналов могут отличаться большой разнообразностью [27. С. 59], но учитывая, что князья относятся к высшему и очень активному социальному слою общества, можно выделить следующие, активизирующиеся у них в состоянии неопределённости поведенческие характеристики: агрессивность, беспокойство, честолюбие, чувствительность. Субъективные характеристики маргиналов, такие как моральные дилеммы, психологическая раздвоенность, также вполне приложимы к князьям-изгоям. Несомненно, что активное переосмысление и принятие установок на братскую любовь и смирение, образцом которого стали Борис и Глеб, давали слабейшим ту новую установку, которая позволяла позитивно идентифицировать себя в рамках новой христианской культуры, сделать маргинальное положение общественно значимым. Это был адекватный ответ на вызов, защита от тревожности через любовь и подчинение старшему. А.В. Назаренко отмечает, что сеньорат – «заключительный, итоговый этап эволюции *corpus fratrum*» [24. С. 153], т.е. принципа равного соучастия братьев в управлении не только на Руси, но и в западных странах.

В то же время проблема более сильных князей, нашедших идентификацию в рамках правителя княжества, оказалась нерешенной. Эти правители, имея веский символический и экономический капитал, являясь главами сильнейших семейств, по-прежнему идентифицировали себя как претенденты на всё достоинство династии. И жестокая борьба между князьями прекратилась только с угасанием династии в XVI в.

Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что княжеское изгойство, широко распространённое на

Руси, не было отвлечённым культурным и социальным феноменом. Оно вполне вписывалось в рамки тех представлений о «своих» и «чужих», которые бытовали в народном сознании и которые мы связываем с феноменом маргинальности. Князья-изгои становились центром притяжения других отверженных, попавших в двойственную, неопределённую ситуацию. Вместе они боролись за место под солнцем, за то, чтобы вернуть своё место или получить новое. В условиях традиционного общества такие изменения почти всегда оказывались связаны с понижением статуса, потерей прав и имущества. Часть мелких князей-изгоев была вынуждена менять собственные представления о норме, свои установки и идти на службу к более сильным. Весь вопрос в том, к каким последствиям для властных отношений приводило это приспособление, ведь служба была связана с понижением статуса, а не его повышением. Судьба же тех, кто не смог приспособиться, более ясна. Они превращались в разбойников и бродяг, становились в девиантную позицию и исчезали.

Понятие маргинальности не только помогает объяснить, почему неграмотный попович, выкупившийся холоп, разорившийся купец и осиротевший князь могли быть обозначены изгоями, но и какие общие психологические и поведенческие доминанты могли наблюдаться у этих и других людей, попавших в неопределённую, кризисную психологическую и социальную ситуацию.

В то же время различие маргинальности и девиации достаточно условно. Причины маргинального и девиантного поведения, как и само такое поведение, достаточно схожи. Возможно, девиация представляет собой лишь крайнее проявление маргинальности. В любом случае понятия маргинальности и девиации вполне применимы к средневековой истории, а феномен маргинальности, проявлением которого является и изгойство, – необходимый элемент динамики развития общества, нуждающийся в дальнейшем изучении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М. : Прогресс, 1986. Т. 2 (Е–Муж).
2. Шапов Я.Н. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976.
3. Калачов Н.В. О значении изгоев и состоянии изгойства в Древней Руси // Архив историко-юридических сведений относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым. М., 1850. Кн. 1. С. 57–72.
4. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб. : Филол. фак-т СПб. гос. ун-та, 2000.
5. Пресняков А.Е. Княжеское право Древней Руси. СПб., 1909.
6. Греков Б.Д. Киевская Русь. Л. : Госполитиздат, 1953. С. 247–255.
7. Котляров А.Н. Проблемы русского феодализма : метод. рекомендации. Томск, 1991. Вып. 3.
8. Фроянов И.Я. Киевская Русь: главные черты социально-экономического строя. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1999.
9. Свердлов М.Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л. : Наука, 1983.
10. Майоров А.В. Социологические особенности древнерусского изгойства // Наукові праці Історичного факультету Запорізького держ. ун-ту / ред. кол.: Ф.Г. Турченко (та ін.). Запоріжжя, 1993. Вип. 1. С. 30–42.
11. Скобелев А.В. «Люди» в системе социальных связей восточнославянского общества VI – первой трети XII в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2010.
12. Словарь русского языка XI–XVII вв. М. : Наука, 1979. Вып. 6.
13. Наставления духовнику // Русская историческая библиотека. Т. 6, ч. 1. Памятники древнерусского канонического права (XI–XV в.). СПб., 1880.
14. Грамота митрополита Киприана // Русская историческая библиотека. Т. 6, ч. 1. Памятники древнерусского канонического права (XI–XV в.). СПб., 1880.
15. Лоусон Т., Гэррод Д. Социология. А–Я: Словарь-справочник. М. : Факр-Пресс, 2000.
16. Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П. Большой психологический словарь. СПб. : Прайм Еврознак, 2006.
17. Сайнаков Н.А. Маргинальность как понятие. Методологические перспективы в историческом исследовании // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 375. С. 97–101.
18. Соловьев С.М. Сочинения : в 18 кн. М. : Голос ; Колокол-Пресс, 1993–1998. Т. 1, кн. 2. URL: http://militera.lib.ru/common/solovyev1/02_02.html

19. Толочко П.П. Киев и Южная Русь в период феодальной раздробленности // Польша и Русь. Черты общности и своеобразие в историческом развитии Руси и Польши XII–XIV вв. М., 1974.
20. Дьяконов М. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси (до конца XVII века). Юрьев, 1907. Т. 1.
21. Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.) : курс лекций. М., 2001.
22. Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1: XI–XII вв. СПб., 1997.
23. Коллманн Н.Ш. Соединенные честью. Государство и общество в России раннего нового времени. М., 2001.
24. Назаренко А.В. Родовой сюзеренитет рюриковичей над Русью // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. М., 1985.
25. Иванов В.В. Волк // Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 т. М. : Рос. энциклопедия, 1994. Т. 1: А–К.
26. Щавелев А.С. Формы мести и наказания в междукняжеских отношениях Рюриковичей // Средневековая Русь. 2009. № 8.
27. Попова И.П. Маргинальность и особенности её проявления в современном российском обществе : дис. . канд. социол. наук. М., 1994.

Статья представлена научной редакцией «История» 29 июня 2016 г.

IZGOISTVO AND MARGINALITY IN THE SOCIAL SPACE OF ANCIENT RUSSIA

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 414, 114–120.

DOI: 10.17223/15617793/414/18

Nikolai A. Sainakov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lesomir@mail.ru

Keywords: Russian medieval history; izgoi; marginality; outlaws; deviation; princes; outlaw princes; izgoi princes.

The present article considers the problem of the use of the concept of marginality in historical science. It also analyzes a phenomenon in the social space of ancient Russia and a possibility of considering *izgoistvo* (the outcast status) as a manifestation of marginality. The word *izgoistvo* referred to representatives of different social groups in Ancient Russia. The term *izgoi* (outcast) could be used for defining a person ransomed from slavery, an illiterate clergyman, a prince deprived of his land etc. The etymology of the word *izgoi* is connected with deprivation of the clan membership and has a negative connotation. The specific position of izgois in society is emphasized in historiography. It is noticeable that *izgois*, slaves, orphans or enemies in Russia had a typological analogy with strangers, they found themselves isolated and were often seen negatively or leniently in society. Therefore, izgois could be regarded as marginal persons. Although marginal persons often demonstrate deviant behavior, their most important task is not to confront the society, but to find the rightful place in it. Despite the fact that the concept of marginality was not used in Ancient Russia, it can be regarded as a convenient tool for historians trying to cognize the past. This article focuses on izgoi princes. The increasing number of princes from the Rurik clan resulted in the fragmentation of the princes' domains, the rules of inheritance became complicated, and many princes did not receive a domain, or their domains were seized by more powerful princes. From the socio-psychological point of view, many princes felt insecure and occupied a marginal position. There was a great deal of diversity in behavioral characteristics of marginal persons. Taking into account the fact that princes belonged to the high and very active stratum of society, the following behavioral characteristics activating in the state of uncertainty can be identified: aggressiveness, anxiety, ambition, sensitivity. Subjective characteristics of marginal persons, such as moral dilemmas, psychological duality, are also applicable to izgoi princes. Such "disadvantaged" princes became very aggressive and tried to restore their rights on clan inheritance. Though izgoi princes often initiated cruel intestine wars, the status of unfairly disadvantaged persons guaranteed them the sympathy of chroniclers and the population. The Christian idea of humbleness and love, based on the cult of Saints Boris and Gleb, contributed to the fact that a number of princes accepted the decline of their status. Princes unable to accept new conditions turned into robbers and tramps, took a deviant position and disappeared. The final conclusion of the article is the idea of the productivity of the concept of marginality in the study of medieval history. This concept allows not only explaining why people from different social groups could be called izgois, but also identifying general psychological and behavioral dominants of people who got into an uncertain, critical social and psychological situation. Izgoi princes had to find a new place in the social system or disappear.

REFERENCES

1. Vasmer, M. (1986) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological Dictionary of the Russian language: in 4 vols] Vol. 2. Moscow: Progress.
2. Shchapov, Ya.N. (1976) *Drevnerusskie knyazheskie ustavy XI–XV vv.* [Old Russian princely charters of the 11th–15th centuries]. Moscow: Nauka.
3. Kalachov, N.V. (1850) O znachenii izgoev i sostoyanii izgoystva v Drevney Rusi [The significance of outcasts and the outcast state in Ancient Russia]. In: *Arkhiv istoriko-yuridicheskikh svedeniy otnosyashchikhsya do Rossii, izdavaemyy Nikolaem Kalachovym* [Archive of historical and legal information related to Russia, published by Nikolay Kalachov]. Vol. 1. Moscow: Tip. Aleksandra Semena.
4. Kolesov, V.V. (2000) *Drevnyaya Rus': nasledie v slove. Mir cheloveka* [Ancient Rus: Heritage in the word. World of man]. St. Petersburg: Filol. fak-t St. Petersburg State University.
5. Presnyakov, A.E. (1909) *Knyazhoe pravo Drevney Rusi* [Prince rights of Ancient Rus]. St. Petersburg: Tipografiya M.A. Aleksandrova.
6. Grekov, B.D. (1953) *Kievskaya Rus'* [Kievan Rus]. Leningrad: Gospolitizdat.
7. Kotlyarov, A.N. (1991) *Problemy russkogo feodalizma: metodicheskie rekomendatsii* [Russian feudalism Problems: guidelines]. Vol. 3. Tomsk.
8. Froyanov, I.Ya. (1983) *Kievskaya Rus': glavnye cherty sotsial'no-ekonomicheskogo stroya* [Kievan Rus: the main features of the socio-economic system]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
9. Sverdlov, M.B. (1983) *Genesis i struktura feodal'nogo obshchestva v Drevney Rusi* [Genesis and structure of feudal society in Ancient Russia]. Leningrad: Nauka.
10. Mayorov, A.V. (1993) *Sotsiologicheskie osobennosti drevnerusskogo izgoystva* [Sociological characteristics of outcasts in Ancient Russia]. *Naukovyi pratsi Istorichnogo fakul'tetu Zaporiz'kogo derzh. un-tu*. 1. pp. 30–42.
11. Skobelev, A.V. (2010) "Lyudi" v sisteme sotsial'nykh svyazey vostochnoslavianskogo obshchestva VI – pervoy treti XII v. ["People" in the system of social relations of Eastern Slavic society in the 6th – the first third of the 12th centuries]. Abstract of History Cand. Diss. Izhevsk.
12. Barkhudarov, S.G. (ed.) (1979) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of Russian of the 11th–17th centuries]. Vol. 6. Moscow: Nauka.
13. Anon. (1880) *Nastavleniya dukhovniku* [Guidelines for a confessor]. In: *Russkaya istoricheskaya biblioteka* [Russian Historical Library]. Vol. 6. Pt. 1. St. Petersburg: Tip. Imperatorskoy Akademii Nauk.
14. Anon. (1880) *Gramota mitropolita Kipriana* [The letter of Metropolitan Cyprian]. In: *Russkaya istoricheskaya biblioteka* [Russian Historical Library]. Vol. 6. Pt. 1. St. Petersburg: Tip. Imperatorskoy Akademii Nauk.
15. Lawson, T. & Gerrod, D. (2000) *Sotsiologiya. A–Ya: Slovar'-spravochnik* [Sociology. A–Z: reference dictionary]. Translated from English. Moscow: Fakt-Press.

16. Meshcheryakov, B.G. & Zinchenko, V.P. (2006) *Bol'shoy psikhologicheskiy slovar'* [The big psychology dictionary]. St. Petersburg: Praym Evroznak
17. Saynakov, N.A. (2013) Definition of Marginality. Methodological perspectives in historical studies. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 375. pp. 97–101. (In Russian).
18. Solov'ev, S.M. (1993) *Sochineniya: v 18 kn.* [Works: in 18 books]. Vol. 1. Book 2. Moscow: Golos; Kolokol-Press. [Online] Available from: http://militera.lib.ru/common/solovyev1/02_02.html.
19. Tolochko, P.P. (1974) Kiev i Yuzhnaya Rus' v period feodal'noy razdroblennosti [Kiev and South Russia in the period of feudal fragmentation]. In: Rybakov, B.A. (ed.) *Pol'sha i Rus' . Cherty obshchnosti i svoeobraziya v istoricheskom razvitii Rusi i Pol'shi XII–XIV vv.* [Poland and Rus. Common and diverse features in the historical development of Russia and Poland in the 12th–14th centuries]. Moscow: Nauka.
20. D'yakonov, M. (1907) *Ocherki obshchestvennogo i gosudarstvennogo stroya Drevney Rusi (do kontsa XVII veka)* [Essays on social and political system of Ancient Russia (until the end of the 17th century)]. Vol. 1. Yurev: Tip. Ed. Bergmana.
21. Danilevskiy, I.N. (2001) *Drevnyaya Rus' glazami sovremennikov i potomkov (IX–XII vv.): kurs lektsiy* [Ancient Russia in the eyes of contemporaries and descendants (9th–12th centuries): lectures]. Moscow: Aspekt Press.
22. Likhachev, D.S. et al. (eds) (1997) *Povest' vremennykh let* [Tale of Bygone Years]. In: *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of the Literature of Ancient Rus]. Vol. 1. St. Petersburg: Nauka.
23. Kollmann, N.Sh. (2001) *Soedinennye chest'yu. Gosudarstvo i obshchestvo v Rossii rannego novogo vremeni* [By Honor Bound: State and Society in Early Modern Russia]. Translated from English by A.B. Kamenskiy. Moscow: Drevnekhraanilishche.
24. Nazarenko, A.V. (1985) Rodovoy syuzerenitet ryurikovichy nad Rus'yu [Generic suzerainty of the Ruriks over Russia]. In: Novosel'tsev, A.P. (ed.) *Drevneyshie gosudarstva na territorii SSSR: Materialy i issledovaniya* [The oldest states in the territory of the USSR: Materials and research]. Moscow: Nauka.
25. Ivanov, V.V. (1994) Volk [Wolf]. In: Tokarev, S.A. (ed.) *Mify narodov mira. Entsiklopediya: v 2 t.* [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia]. Vol. 1. Moscow: Ros. entsiklopediya.
26. Shchavalev, A.S. (2009) Formy mesti i nakazaniya v mezhduknyazheskikh otnosheniyakh Ryurikovichy [Forms of retaliation and punishment in inter-princely relations of the Ruriks]. *Srednevekovaya Rus'*. 8.
27. Popova, I.P. (1994) *Marginal'nost' i osobennosti ee proyavleniya v sovremennom rossiyskom obshchestve* [Marginality and its features in the modern Russian society]. Sociology Cand. Diss. Moscow.

Received: 29 June 2016